

Г.И. БОГОМОЛОВ, С.Р. ИЛЬЯСОВА

К ВОПРОСУ О ЗДАНИЯХ С КРЕСТООБРАЗНОЙ ПЛАНИРОВКОЙ В ЧАЧЕ

Огромное значение в становлении и развитии регионов Правобережья Средней Сырдарьи имела эпоха их вхождения в состав государства Кангюй. И хотя в последние годы значительно возрос интерес к проблеме истории Кангюя, известно о нем мало. Согласно немногочисленным источникам, состав государства Кангюй был неоднороден и включал как кочевое, так и оседлоzemледельческое население с их стационарными поселениями. Мало известно, какова же была кангюйская архитектура, каковы были принципы застройки оседлых центров, формы и типы жилых и общественных сооружений. В последнее время ситуация стала радикально меняться в связи с работами в районе Туркестана (Сиддаката), Шымкента и в Ташкентском оазисе. Особый интерес представляют работы в Ташкенте, где в последнее время были открыты здания с крестообразной планировкой. Вместе с выявленными ранее схожими сооружениями Кзыл-Кайнар-тобе, Чоль-тобе в Южном Казахстане и в Западной Фергане, они позволяют выделять их как один из архитектурных типов общественно-бытовых построек, бытовавших на территории Кангюя.

Впервые для Ташкента такое сооружение было открыто на Шаштепа, поселении, расположенному вдоль канала Джун на юго-западе современного Ташкента.¹ Здесь, в третьем строительном горизонте, под зданием небольшого раннес-

редневекового замка, было обнаружено сооружение, состоявшее из квадратного ядра со стороной в 21–22 м и с крупными прямоугольными башнями (6-7,5 x 5-5,5 м) в центре каждой из сторон². Внутренняя застройка состояла из 6 длинных и узких помещений, однако характер их соединения между собой на настоящий момент выявить не удалось. Можно лишь предполагать, что они были соединены единой линией проходов с коридорами по периметру здания (рис. 1, 1). На одном из этапов здание было обнесено окружной стеной-оградой диаметром около 60 метров³.

На другом этапе уровень двора был поднят на 1 м. Затем вдоль обводной стены возведено внутреннее кольцо, в результате чего пространство между стенами было оформлено как внутристенный коридор. Следующие перестройки выразились в возведении к северу от пом. № 1 и в южной части постройки стен-перегородок с 3-мя стреловидными прорезями. Внутри здания полы были подняты кирпичной закладкой и перекрыты в некоторых из них вымосткой из булыжников.⁴

Принципиальное значение приобретают вопросы датировки и назначения здания. М.И. Филанович датирует сооружение здания на Шаштепа II–I вв. до н.э., а полутораметровый слой золисто-органической структуры перекрывающий нижний пол относит к Каунчи II, комплекс которого она выделяет как Шаш IV (т.е. II–IV

¹ Следует отметить, что ни первоначальное бурглюкское поселение, ни возникший позже каунчинский поселок не связаны изначально с каналом Джун, а возникли на высоком надпойменном берегу старицы Чирчика, где пойма реки обильно орошалась паводковыми водами. Ирригационная ветка системы Салар-Джун сложилась, видимо, на базе соединения паводковых протоков Чирчика в одну систему не ранее первых веков н. э. Позже (на рубеже V–VI вв. н.э.) это поселение было превращено в укрепленную цитадель – замок с небольшим поселением, обводившимся с севера руслом канала. То есть, функционально это типичное сельское поселение, так называемое тепе с площадкой. В это же время, т.е. в раннем средневековье, селение начинает разрастаться и на другом берегу канала. Такая планировка сохраняется вплоть до XII в.

² Алимова Д.А., Филанович М.И. История Ташкента (с древнейших времен до наших дней). Ташкент, 2009. – С.83. Правда, четвертая башня не обнаружена и вводится в план гипотетически.

³ Филанович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. – С. 56.

⁴ Филанович М.И. там же – С. 58.

вв. н.э.). В конце этого периода происходит частичное разрушение и заброс здания.⁵ По мнению М.И. Филанович, уже на первом этапе здание на Шаштепа – это храм солнце- и огнепоклонников, позже превращенный в культово-погребальный комплекс⁶ с захоронением черепа (?). Сооружение, действительно, несет следы воздействия огня (вероятней всего, пожара), но М.И. Филанович видит в этом связь с традицией сжигания мавзолеев с погребенными в Восточном Приаралье⁷.

Другое крестовидное сооружение было открыто в 2008 году на городище Мингурик⁸. Здесь в ходе раскопочных работ в нижних слоях, во втором строительном горизонте, были выявлены остатки монументального квадратного здания со стороной в 14,5 м, ориентированного почти по странам света и пережившего несколько этапов (Рис. 1, 2). Внутри комплекс состоял из ряда параллельных узких помещений (№ 1, 2, 4) с проходами, расположенными по одной оси. Интересно, что в центре западного и южного фасов здания выявлены полуовальные башни с квадратными помещениями внутри (№ 5 и № 7). Вход в них вел из смежных помещений центрального комплекса. Внутрибашенное помещение южной башни (№ 5) имеет почти квадратную форму (2,4 x 2,3 м). В углу около западной стены, на одном из полов расчищен очаг с зольником и лежащими рядом обломками крупной корчаги. В помещении сохранились следы ремонта и остатки сводчатого перекрытия из прямоугольных сырцовых кирпичей, часть которых подтесана. В углу вдоль восточной стены был устроен проход в пом. № 4. Другая, западная башня, смежена с помещением № 1 и соединяется с ним проходом. Ее внутрибашенное помещение (№ 7) позже было забутовано сырцовым кирпичом. В забивке обнаружено захоронение или следы строительной

жертвы в виде фрагментированного черепа без нижней челюсти, лежавшего лицевыми костями вниз и половинки горшковидного сосуда, куда, видимо, помещалась сопроводительная пища. Третья, восточная башня сохранилась лишь частично. Но выявлен проход в нее шириной 1,10 м и высотой – 1,80 м, кусок стены и уровень пола с камешками, на котором прослеживаются зольный слой и куски керамики. Возможно, с севера существовала еще одна башня, хотя пока ее остатки не обнаружены. Башни и стены сложены из сырцового кирпича прямоугольного формата, но встречается и квадратный кирпич (39 x 40 x 10 см), что позволяет отнести возведение здания к III–IV вв. Башни пристроены к основным стенам, что тоже соответствует строительным традициям фортификационных сооружений античности. Внутренняя планировка здания состояла из 4 узких помещения (№ 1–4), три из которых параллельны и вытянуты с запада на восток (Рис. 1, 2). Помещение № 4 – крайнее с юга, а помещение № 2 – с севера. Причем помещение № 3 является его продолжением. Одним из центральных помещений было помещение № 1. На его западной стене над уровнем арки прохода сохранился горизонтальный ряд овальных углублений – пазов балок плоского перекрытия, что указывает на наличие двухэтажности. Верхнее помещение было сводчатым. Комнаты нижнего и верхнего этажа были высотой около 3,5 м. Пол в нижнем помещении был покрыт слоем мелкой гальки, который перекрывает слой древесного угля и золы, выше чередуются охристо-горелые слои с зольно-органическими отложениями.⁹ В восточной торцевой стене, которая являлась общей для пом. № 4, 1, 2, расчищен напольный очаг, утопленный в тело стены полуовальной в плане нишкой. Ширина его устья – 26 см. О том, что он функционировал длительное время, свидетель-

⁵ Филанович М.И. там же – С. 58.

⁶ Филанович М.И. Ташкент: зарождение города и развитие городской культуры в древности и средневековье // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. Материалы международной научной конференции, посвященной 2200-летнему юбилею г. Ташкента. Ташкент, 2009, С. 47.

⁷ Алимова Д.А., Филанович М.И. История Ташкента ... С. 124.

⁸ Само городище Мингурик – один из наиболее крупных археологических памятников эпохи поздней античности и раннего средневековья на территории Ташкента и был, видимо, его древнейшим ядром. Городище расположено в центральной части современного Ташкента, к северу от канала Салар, рядом с Северным вокзалом. С ростом города его территории была почти поглощена современной застройкой. Только по картам конца XIX в. хорошо видно, что некогда городище состояло из цитадели и шахристана, общей площадью 35 га, от которого к настоящему времени сохранился лишь небольшой участок – холм подтреугольной формы 42 x 30 м, высотой 15 м, и примыкающий к нему с севера небольшой шлейф, длиной около 80 м и шириной 3–4 м. С запада и с юга холм сильно срезан (почти до подошвы).

⁹ Древний Ташкент. Ташкент, 1976, С. 37.

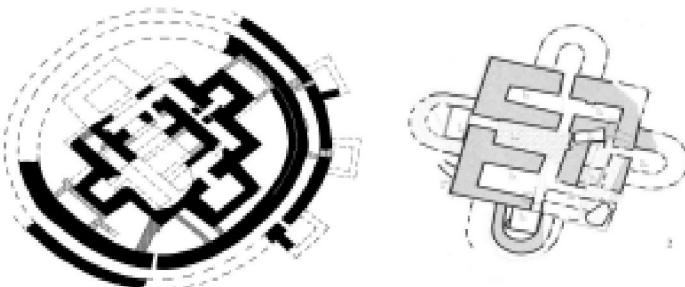

Рис. 1. 1-План Шаштепа,
2 - Мингурин

ствуют три днища жаровен, установленных друг на друга. Очаг явно носил культовый (магико-охранный) характер, дымом тлеющих в нем семян и растений, окуривая (очищая) всех входящих. Показательно и то, что очаг расположен не на осевой линии помещения, а несколько под углом к проходу в пом. № 2.

За южной стеной пом. № 3 была устроена узкая глухая трапециевидная в плане комната размерами 3 x 1,40 (1,03) м. В нижней части ее восточной стены был обнаружен вход в подземное помещение или ход, который, вероятно, вел к воде, но в настоящее время завален камнями и кусками осевшей глины.

В южной части комплекса вскрыт короткий коридор, выводивший к восточной башне. Пока не очень ясно, где находился вход в здание, т.к. обнаружено два прохода с противоположных сторон, с севера и с юга, но оба в сильно разрушенном состоянии. Первый из них – в северной стене помещения № 2, шириной 1,1 м и высотой 1,6 м, был как бы продолжением осевой линии коридора и прохода из него в помещение № 2. Однако не исключено, что он вел не наружу, а в несохранившуюся четвертую башню. Этот участок сильно разрушен перекопами позднего времени. Еще один вход в здание выявлен на южном фасаде. Он был шириной 3 м, с осевшим арочным перекрытием. Позже коридор и проход были заложены пахсовыми блоками. Пока не ясно, существовал ли этот проход изначально, или функционировал только на позднем этапе. Причем именно на этом этапе с юга над восточной стеной помещений № 4, 1 была устроена лестница с широкими ступенями, пространство между которыми позже было заполнено галькой и превращено в пан-

дус. Вероятно, это коленчатый пандус – подъем на верхние этажи комплекса. Поверх пандуса зафиксирован рыхлый коричневатый слой древесных остатков деревянного перекрытия. Он прослеживается дальше в северо-восточном направлении над пом. № 1а. Аналогичное устройство лестницы – пандуса и комнаты с колодцем наблюдается на Актобе II¹⁰.

С этим же горизонтом связано возведение (хронологически чуть позже) обводного коридора с юго-западной стороны, шириной в 2 м (помещение № 6), повторяющего абрис южной башни. Видимо, с этим же коридором связано еще одно помещение (№ 8), от которого выявлен участок стены к юго-западу от него. Однако вскоре все эти помещения были забутованы. Но и при следующем ремонте помещение, возведенное над коридором, сохраняет овальный абрис. Об интенсивности обживания и бытовом характере свидетельствуют зольные отложения с включением мелких угольков, горелых обломков костей и фрагменты керамики. Кстати, с северо-западной стороны комплекса уже поверх забутовки спускаются мощные зольные отложения.

Работы в юго-западной части холма выявили ряд помещений и участок обводной крепостной стены с внутристенной галереей. Как выяснилось, эта крепостная стена возводится в 8–10 м от здания, но не сразу, а спустя какое-то время, после того как было возведено центральное здание и даже «обвод» вокруг южной башни. К сожалению, от нее сохранился лишь небольшой участок, поэтому осталось не ясно, был ли это специальный обвод, охватывавший периметр только этого здания (как на Чоль-тобе или Кзыл-Кайнар-тобе) либо это вообще крепостная стена

¹⁰Максимова А.Г., Мерзиеев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, С. 24.

шахристана. В любом случае совершенно очевидно, что стена была возведена спустя какое-то время после строительства и бытования основного здания. Обводная галерея вскрыта не полностью. Как оказалось, ее южная стена сложена из сырцового кирпича, тогда как в западной – кладка комбинированная, нижняя часть из пахсовых блоков, а верхушка – из сырца. На многих кирпичах имеются знаки в виде круга, сдвоенной полосы, дуги с отходящей полосой. В заполнении галереи были обнаружены куски штукатурки с черной поверхностью. Отсюда же происходит большое количество бытовой керамики.

В целом сооружение датируется первыми веками н.э.,¹¹ а если быть точнее, не исключено, что его возведение относится к самому концу III – IV вв., но основное бытование – к IV–VI вв. При этом М.И. Филанович видит в здании на Мингурике продолжение традиции культовой архитектуры Шаштепинского комплекса.¹² Причем на последнем этапе существования сооружения перестройки с возведением пандуса превратили его в возвышенный стилобат. Наверху этого монолита, видимо, возжигался открытый огонь, зола от которого скопилась за стенами здания. Город, по ее мнению, сложился вокруг этого культового комплекса, посвященного Солнцу.¹³

Однако культовая принадлежность этих сооружений на Шаштепе и Мингурике вызывает большое сомнение. Комплекс находок, характер культурных напластований и, наконец, планировка сооружений явно указывают на то, что это гражданская архитектура жилого назначения. Следы огня и золы – это зыбкий аргумент для доказательства культовой принадлежности комплекса. Тем более, что в реальности эти «мощные накопления» золы являются золисто-гумусными бытовыми накоплениями, характерными для абсолютного большинства каунчинских поселений. Укажем, к примеру, на стратиграфию почти синхронных памятников на территории Ташкента Таукаттепа или Бузгонтепа. Казалось бы, более существенным аргументом является нео-

бычная крестовидная планировка сооружений на Шаштепе и Мингурике и предполагаемая их культовая преемственность.

Действительно, крестообразность планировки восходит к традициям архитектуры Древнего Востока. Однако, в целом здания с «крестовидной планировкой» типологически не однородны. Часть из них представляет собой сооружения, в которых крестообразность является организующей основой, т.е. соответственное расположение коридоров или помещений формирует внутреннюю планировку здания (например, крестообразное расположение комнат или камер погребального сооружения). Другие – здания, в которых крестообразность – это проявление фасадного оформления, где дополнительные элементы (башни или лопасти-платформы) пристраиваются в центре внешних сторон и придают сооружению крестовидный внешний контур, тогда как собственно ядро здания может быть прямоугольным или квадратным.

Появление зданий с крестовидной планировкой в Средней Азии можно отнести еще к середине II тысячелетия до н.э. Причем, далеко не все из них являются культовыми. Ярким примером бытовой направленности было поселение Келлели-4, где здание поселения большесемейной общины представляло собой квадратное сооружение (29,5 x 29,5 м) с внутренним закрытым двором и жилыми помещениями-секциями по его периметру вдоль стен. А для его защиты (рис. 2, 1) крестообразно по центру каждой из сторон располагались прямоугольные башни¹⁴. Видимо, в дальнейшем крестовидное расположение башен становится характерным для небольших фортификационных объектов – цитаделей, небольших крепостей и укрепленных сельских усадеб. Таков большой дом Аяз-калы 3 в Хорезме. Отметим, что, как считают исследователи, сначала было возведено отдельно стоящее, хорошо укрепленное здание квадратной формы (Рис.2, 3), а затем, на втором этапе, в кушанское время, оно функционирует уже внутри оборонительных стен городища (Рис.2, 2), которое на какое-то время стало цент-

¹¹ Керамический материал с нижнего уровня пола относится к III – IV вв. Ссылка М.И. Филанович на наличие в кладке квадратного кирпича скорее подтверждает переходный характер строительных конструкций здания.

¹² Филанович М.И., Богомолов Г.И., Ильясова С.Р. Новые данные по древней истории Ташкента // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. Материалы международной научной конференции, посвященной 2200-летнему юбилею г. Ташкента. Ташкент, 2009, С. 56.

¹³ Филанович М.И. Ташкент: зарождение и развитие городской С. 47.

¹⁴ Мамедов М. Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. Ашхабад, 2003. С.16–17; Масимов И.С. Жилой дом на Келлели // Памятники Туркменистана. 1984, № 2. С.17.

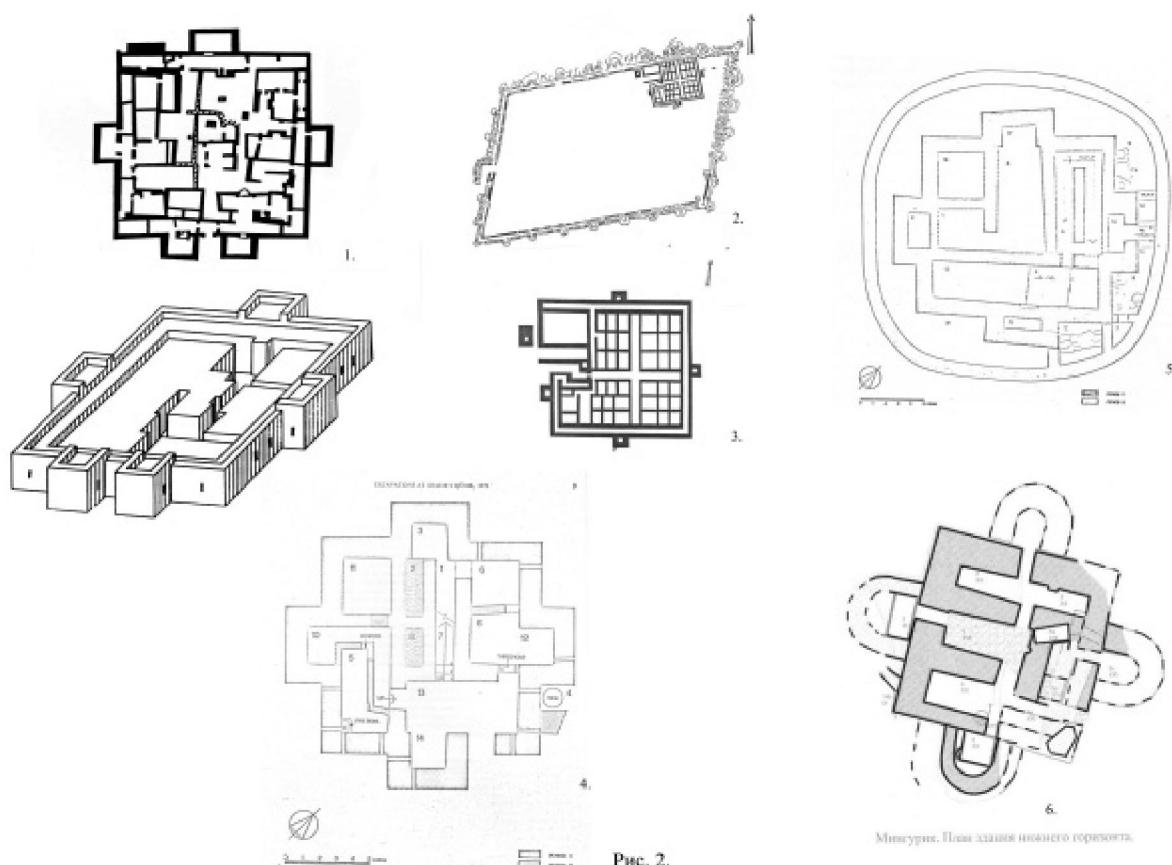

Рис. 2.

Минусинск. Планы зданий исконного горизонта.

ром, крепостью-убежищем кушанского поселения и его округи.¹⁵ Впрочем, считается, что сооружения с крестообразной планировкой появляются на территории Южного Приаралья в начале I тыс. до н.э. в погребальной и культовой архитектуре, но уже во второй половине I тыс. до н.э. используются и в гражданской (бытовой) архитектуре.¹⁶

Сопоставление памятников с крестообразной планировкой Ирана и Средней Азии показывает, что часть из них могла быть культовыми постройками, а чаще – светскими, более того, укрепленными сельскими усадьбами.¹⁷ О древности такой линии развития в Иране свидетельствует памятник Баба Джан, датируемый IX веком до

н.э. В плане он представляет собой почти квадратное здание, по углам и в центре каждой из сторон которого (т. е. крестообразно) расположены прямоугольные башни. Центральную часть занимал вытянутый прямоугольный двор, который позже был застроен колоннадой и перекрыт.¹⁸ Причем, если для мидийского времени центральный храм на поселение Нуш-и Джан имел крестовидную планировку и внутри состоял практически из двух крупных помещений¹⁹, то к парфянскому времени как в Иране, так и в Средней Азии крестообразные в плане постройки уже встречаются как отдельно стоящие дома-усадьбы.²⁰ При этом многие из них сохраняют квад-

¹⁵ Болелов С.Б. Крепость Аяз-Кала 3 в правобережном Хорезме // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 130-131.

¹⁶ Болелов С.Б. Крепость Аяз-кала 3 – С.133-134.

¹⁷ Хасанов М. Распространение крестообразной планировки в архитектуре Средней Азии // Археология и история Центральной Азии. К 70-летию академика Ю.Ф.Бурякова. Самарканд, 2004. –С. 160.

¹⁸ Goff C. Excavations at Baba Jan: The Architecture of the East Mound, levels II and III. // Iran. Volume XV, London, 1977. – P. 15.

¹⁹ Stronach D., Roaf M., Stronach R., Bokonyi S. Excavations at Tepe Nush-i Jan. // Iran. Volume XVI, London, 1978. – P. 1-3, Fig. I.

²⁰ Хасанов М. Распространение крестообразной –С. 160.

ратный контур основного сооружения, а внутри состоят из узких помещений со сводчатым перекрытием. Таково парфянское поселение I века до н.э. Шахр-и Кумис²¹, основное ядро которого представляло собой квадратное сооружение с выступающими в середине каждой из сторон квадратными башнями (рис. 2, 4-5). Укрепленные усадьбы как тип жилой архитектуры в виде укрепленного ядра с оградой по периферии появились в Средней Азии с середины I тыс. до н.э. Безусловно, далеко не все из них имели крестовидную планировку. Такова, например, усадьба Гары-Кяриз I в Туркмении, с округлыми башнями со стреловидными бойницами, но её внутреннее пространство занимают узкие коридорообразные помещения.²² Античным временем датируются замки-усадьбы из Центрального Согда – Холикназарте²³ и Хамтуда²⁴. Хотя и не совсем близка типологически, но, видимо, к этому же ряду памятников относится сельская усадьба Киндиктепа в Южном Согде, пережившая несколько этапов с III по VI вв. В III-IV вв.озвели угловой донжон, а саму усадьбу оформили в виде высокого крестообразного здания. Как предполагает М. Хасанов, эти изменения отражают не столько архитектурную моду, сколько выделение и рост значения знати.²⁵ Видимо, такие укрепленные усадьбы стали предшественниками мелких замков раннесредневекового периода. Как тип жилья, уже к V веку одним из ведущих типов замков в Согде и, вероятно, в других районах Средней Азии, становится квадратный в плане замок, со стороной около 18 м.²⁶ Таковы укрепленные усадьбы или замки Айтугдитепа в Южном Согде²⁷, Фильмандар под Пенджикентом²⁸, усадьба близ Кафыркалы под Самаркандом,²⁹ замок Куджраха в долине Магиан-

дарья. Кстати, сооружение в Фильмандаре, по мнению А.И. Исакова, было замком или укрепленным домом свободного дехканина-землевладельца, не являвшегося еще в V веке собственном феодалом по своему социальному статусу, так как даже при наличии второго этажа в нем могло проживать 1 семейство из 10-15 человек.³⁰

Достаточно близок зданию на Мингурике замок Куджраха. Он представлял собой квадрат со стороной 14 м и состоял по первому этажу из трех параллельных помещений, вестибюля, расположенного перпендикулярно им, и пандуса для подъёма на второй этаж.³¹ Показательно и то, что аналогичные здания с такими же габаритами и внутренней планировкой появляются не только в округе Пенджикента, но и в его жилой городской застройке.³² Возможно, в этом отразились как тенденции развития городской застройки, так и новые социальные явления, имевшие место и в Согде, и в Чаче.

Все это показывает, что оба сооружения на Шаштепа и Мингурике относятся к жилой гражданской архитектуре. В обоих случаях основное ядро здания имеет:

квадратную форму (только на Мингурике со стороной 15 м, а на Шаштепа – 21-22 м),

внутри вытянутые в ряд узкие помещения (только на Шаштепа периметр оконтурен анфиладой из узких коридоров),

наличие башен по центру каждой из сторон здания (правда, на Шаштепа они прямоугольной формы, а на Мингурике – овальной),

существование второго этажа (на Мингурике следы его обнаружены, а на Шаштепа лишь предполагаются, хотя косвенно на это может указывать толщина внутренних стен),

и, наконец, наличие обводной укрепленной сте-

²¹ Hansman J., Stronach D. Excavations at Shahr-Qumis, 1967. // Journal of the Royal Asiatic society. 1970, № 1. – Pl. IX, b,c.

²² Пелико В.И. Поселение раннекорабельного века Гары-Кяриз I. // Туркменистан в эпоху раннекорабельного века. Ашхабад, 1984. – С. 28-58.

²³ Исаков А.И. Отчет о работах Косаторопского отряда в 1976 г. // АРТ, вып. XVI, Душанбе, 1976. – С. 221-232.

²⁴ Хасанов М. Распространение крестообразной – С. 159.

²⁵ Хасанов М. Распространение крестообразной – С. 161.

²⁶ Семенов Г.Л. Городские стены – С. 16.

²⁷ Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-IV вв.). Ташкент, 1977. – С.

²⁸ Исаков А.И. Фильмандарский замок. // УСА, вып. 4, Л., 1979. – С. 51.

²⁹ Шишикина Г.В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. // ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961. – С. 192-222.

³⁰ Исаков А.И. Фильмандарский – С. 51.

³¹ Исаков А.И. Работы Косаторопского отряда в 1975 г. // АРТ, Вып. 15(1975). Душанбе, 1980. – С. 247-250.

³² Семенов Г.Л. Город и замок в раннесредневековом Согде. // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990. – С. 62.

ны, охватывавшей здание и часть примыкавшей к нему территории. На Шаштепа она – округлая в плане и примыкает к зданию почти впритык, на Мингурике ее планировка не ясна и стена проходит на расстоянии 8-10 м.

Все это позволяет говорить, что оба сооружения типологически близки, но самое главное, практически синхронны. Иначе говоря, удревнить крестовидное сооружение на Шаштепа до II–I вв. до н.э. нет оснований, его датировку следует омолодить до III–IV вв. н.э. Не случайно в керамическом комплексе почти отсутствуют сосуды с ручками с протомами животных (барана) и много находок очажных кирпичей-подставок в виде головы быка, что характерно для Каунчи II, а не Каунчи I. Кстати, не противоречит этому и факт наличия стреловидных прорезей на стенах-перегородках Шаштепа, т.к. этот архаический элемент для этого сооружения тоже не исключает более поздней датировки. Стреловидные бойницы какrudимент встречаются на ряде раннесредневековых памятников. Так, две бойницы стрельчатой формы были устроены в овальной башне замка Ак-депе у Артыка (Туркмения) и по комплексу находок датируются IV–VI вв.³³ В Фергане раннесредневековые замки Арал-тепа, Сары-курган дают сочетание прямоугольных башен со стреловидными бойницами.³⁴

В развитии крестовидных сооружений, видимо, можно наметить две линии. Одна, если судить по памятникам Чоль-тобе, Кзыл-Кайнар-тобе³⁵, Сеталак I³⁶, постройкой рядом с Чун-тепе в Керкидоне³⁷ – культовая. Но не исключено, что в данном случае эти культовые сооружения развивались под влиянием светской архитектуры, воссоздавая в определенном виде привычный тип престижного жилья. Поэтому основное ядро со-

оружения – платформа, на верхней площадке которой совершались какие-то ритуальные действия, и где овальные лопасти – не башни с внутрибащенными помещениями, они имеют монолитную структуру. Другая линия – жилые укрепленные сельские усадьбы большесемейной общинны, отражающие один из типов светской архитектуры эпохи Кангюя. Видимо, в первые века нашей эры они, как привычное, но в то же время престижное жилье появляются в нарождающейся застройке городов. Именно к ним относятся, выявленные здания на Мингурике и Шаштепа. Только в дальнейшем пути их разошлись. Шаштепа, как хорошо защищенная усадьба, стало разрастаться как сельское поселение. Тогда как Мингурик, не даром он меньше по размерам Шаштепа, участвовал в сложении городской застройки. Планировочный же принцип построения здания в виде квадрата, разбитого внутри на три параллельных помещения, с пристроенными в центре каждой из сторон полуовальными башнями, является оригинальным для Чача, но подобная коридорно-гребенчатая планировка хорошо известна в сооружениях с глубокой древности и обычно указывает на бытовой характер сооружения. Правда интерпретация гребенчатой или коридорно-гребенчатой планировки неоднозначна. Так, В.А. Лавров связывал развитие такой внутренней планировки с конструктивными особенностями сводчатых перекрытий.³⁸ В.Л. Воронина объясняет появление этой планировки функциональным назначением самих зданий, как большесемейных общинных домов.³⁹ Однако большинство исследователей связывает здание с гребенчатой планировкой с сооружениями оборонительного, сторожевого характера.⁴⁰ То есть, в целом монументальное здание с квадратным

³³ Губаев А. Замок Ак-депе у Артыка в свете новых раскопок. (К динамике развития раннесредневековых поселений Северного Хорасана). // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 4, Л., 1979. – С. 65.

³⁴ Семенов Г.Л. Городские стены раннесредневекового Согда как исторический источник. Автореферат диссертации на соискание к.и.н. Л, 1985. – С.19.

³⁵ Мерциев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I-IV веков и захоронение в нем воина IV-V века. // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. – С. 79-87.

³⁶ Сүлейманов Р.Х. Об истоках раннесредневековой культуры древнебухарского оазиса. // УСА, вып. 4. Л.; 1979. – С. 18-21.

³⁷ Горбунова Н.Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры. (Некоторые итоги исследования). // СА. 1977, № 3. – С. 115, рис.1,6.

³⁸ Лавров В.А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950. – С. 44.

³⁹ Воронина В.Л. К вопросу о типе общественных сооружений средневекового города Средней Азии. // СА, 1957, № 4.

⁴⁰ Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв.). Ташкент, 1966. – С. 183-190; Негматов Н.Н.. Зеймаль Т.И. Раскопки Термизактепе. // Известия АН Тадж. ССР, СОН, 1961, вып. 1 (24). – С. 67-88 ; Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966. – С. 107-115.

ядром и крестовидно расположенными башнями на Мингурике, представляет собой квадратный двухэтажный замок, с несколько необычным размещением в центре каждой из его сторон полуovalных башен. Несмотря на небольшие размеры, эти башни были весьма действенными сооружениями, способными вполне эффективно отразить нападок, пристреливая углы здания и фланги нападающих. Комплекс находок на уровнях полов и характер заполнения тоже свидетельствует о бытовом назначении сооружения.

Подобные сооружения вполне логично связать с сельскими усадьбами позднего времени, как отражающими схожие явления в разработке типов и форм расселения. Одним из характерных типов сельскохозяйственных поселений для Средней Азии в XIX – самом начале XX в. являлись старые земледельческие кишлаки зоны орошаемого земледелия, в том числе кишлаки с крепостью (курган, калъа или кальча).

Так, селение Рамитан в Бухарском оазисе делилось на две части: более высокую цитадель и примыкающую к ней низменную часть.

Вариантом считаются распространенные в Хорезме и Среднесырдаринском оазисе усадьбы-хаули больших состоятельных неразделенных семей, окруженных пашнями и садами, представляли собой подобие маленькой крепости. Они были защищены высокими крепкими воротами. Помимо жилья в усадьбе находились кладовые и помещения для скота. Такое устройство диктовалось необходимостью иметь защиту от набегов кочевников.

Такие же усадьбы известны в пригородных селениях Самарканда и Бухарской области. Правда, в отличие от Хорезма здесь они были расположены вдоль улиц, среди плотной застройки.⁴¹

Подобные сооружения возникали и в связи с

оседанием кочевников. Они обычно занимали окраины культурных оазисов и зоны богарного земледелия. Во второй половине XVIII – XIX вв. этот процесс интенсивно протекал во всех историко-культурных регионах Средней Азии. Например, в Северной Киргизии вождь племени Бугу Бороомбой в 1843 г. построил в ущелье Джузуку (Заука) небольшое глинобитное укрепление-усадьбу для защиты караванов от грабежей и охраны своего имущества, где были возведены глинобитные строения, склад для зерна, мельница, небольшие два сарай и огород.⁴²

Все это показывает, что появление такого здания в застройке Мингурика не удивительно. Оно, с одной стороны, отражает процесс формирования городской застройки, с другой – представляет собой как бы один из «типовых» проектов бытовавших в это время зданий, и, вероятней всего, сельских домов-усадеб. Согласно исследованиям фортификации античного Хорезма, в «кушанский» период (т.е. в I–IV вв. н.э.) наблюдается процесс появления мелких квадратных и прямоугольных укреплений (Кзилкала, Гяуркала на Черменебе, Атсызкала, Ангакала, Джильдыкала и др.).⁴³ Квадратные дома-замки известны для V–VI вв. в Согда, Тохаристане и Чаче.⁴⁴ Интересным примером является поселение Киндиктепа в Южном Согда, здесь укрепленная усадьба III–V вв. была оформлена как крепость с башнями по середине каждой из сторон, в которой крест из башен вытеснил средний квадрат, составлявший ранее основу плана.⁴⁵ Примеры сооружений с крестовидной планировкой дают ферганские памятники – цитадель Биловуртепа⁴⁶ и здание на городище Арк, где выступами креста являлись башни, в стенах которых имелись стреловидные бойницы.⁴⁷ Показательно, что «крепостной» стиль служил своеобразным образ-

⁴¹ Сухарева О.А., Турсунов Н.О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины XIX – начала XX в. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. – С. 36.

⁴² Сухарева О.А., Турсунов Н.О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины XIX – начала XX в. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. – С. 32.

⁴³Ходжсанязов Г. История развития фортификации античного Хорезма. // СА, 1981, № 2, С. 50.

⁴⁴Аннаев Т.Д. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент, 1988, Рис. 19,18; Древности Ташкента. Ташкент, 1973, С. 117, рис. 30; Семенов Г.Л. Городские стены раннесредневекового Согда как исторический источник. Автореферат диссертации канд. ист. наук. Л., 1985; Семенов Г.Л. Город и замок в раннесредневековом Согда. // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. М., 1990. – С. 62 – 63.

⁴⁵Хасанов М. Распространение крестообразной планировки в архитектуре Средней Азии. // Археология и история Центральной Азии. К 70-летию со дня рождения академика Ю.Ф. Бурякова, Самарканд, 2004, С. 160.

⁴⁶Заднепровский Ю.А. Городище Биловуртепа (восточная Фергана). // КСИА, выпуск 184, М., 1985.

⁴⁷Горбунова Н.Г. Поселения Ферганы первых веков. // СА, 1977, № 3.

цом в архитектуре сельских усадеб – курганча в Средней Азии XIX – начала XX вв. Как отмечает А.К. Писарчик, в первой половине XIX века богатые люди нередко строили усадьбы с крепостными элементами, которые трансформировались в декоративные башенки. Известно, что один из первых владельцев такой курганчи был вызван в суд, где основным вопросом дознания было, почему он, не будучи государем, строит крепость – курган. То есть, власти усматривали в этих действиях претензии отдельных лиц на статус независимых владетелей, внешним проявлением чего была укрепленная курганча.⁴⁸ Все это отражает поиск оптимальной планировки для сооружений замкового типа, где каждый из них мог иметь собственный индивидуальный путь развития. Появление на Мингурике сооружения замкового типа могло свидетельствовать о принадлежности этого здания знатному лицу, кото-

рый стремился таким способом проявить свои претензии и значение в нарождающейся городской застройке.

Резюме

Ташкент алқабы Сырдарияның орта ағысындағы ірі тарихи-географиялық аймақтардың бірі. Қалалық мәдениеттің пайда болуы мен дамуы Қауыншы мәдениетінің таралу кезеңіне (б.д.д. 2 ф. – б.д. 6 ф.) жатады, бұл отырықшылықтың көн таралу үдерісінін, егіншілік пен үй жануарларын ұстасу шаруашылығына өтүінің нәтижесі. Бұл отырықшылыққа өту салдары жергілікті автохтонды тайпалар немесе қоныс аударушылар екендігі жетекші ғалымдар арасында қызы пікірталастын құралы ретінде қала береді.

Summary

The article is devoted, to so-called «cross-kind» lay-out constructions of the Tashkent oasis. To publications of a material which characterizes an archeological complex also to questions of dating.